

ТАРАКСАНДРА

Загадки Сфинкса

Тараксандра Загадки Сфинкса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488577

ISBN 9785449621832

Аннотация

Захватывающий мистический детектив. Музей. Мировая сокровищница. Хранилище бесценных реликвий. Но... за парадным фасадом скрывается само зло. Погиб ученый, совершено жестокое убийство его дочери, украдена коллекция бесценных артефактов. Кто стоит за всеми преступлениями? Только гениальному Сфинксу подвластны эти загадки.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГИБЕЛЬ ДАМЫ	5
ГЛАВА 2	7
МЕРТВАЯ СТАТУЯ	7
КОЛЛЕКЦИОНЕР-ЭСТЕТ	11
НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	20
ГЛАВА 5	22
ДРУЗЬЯ	22
ГЛАВА 6	34
ПОЖАР	34
ГЛАВА 7	43
ЗВОНОК	43
ГЛАВА 8	47
НА БАЛУ	47
ГЛАВА 9	52
АВЕЛЬ	52
ГЛАВА 10	55
НОЧНОЙ ВИЗИТ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Загадки Сфинкса

Тараксандра

© Тараксандра, 2019

ISBN 978-5-4496-2183-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

ГИБЕЛЬ ДАМЫ

Все началось с загадочной гибели заведующей фондом античной скульптуры, Соколовской Ксении Борисовны. Почтенная, в высшей степени положительная дама, скончалась за несколько дней до глобальной проверки музея. Такое иногда в музеях случается, глобальные проверки. Это когда поднимаются все фонды, все запасники, все материалы о реставрации и выставках, комиссия сует свой нос туда, куда лучше бы не совать и задает вопросы, которые для всеобщего спокойствия, лучше бы не задавать. Им надо все подсчитать, все проверить, все потрогать, понюхать, удостовериться в подлинности экспонатов, определить качество реставрационных работ и получить удовлетворяющие их отчеты.

Вот накануне такого сногшибательного и несказанно редкого в музейной жизни события дама и умерла. Очевидцы рассказывали, что женщина в выходной день решила помыть окна. Была весна, приближалась Пасха; но, встав на подоконник, упала с пятого этажа. Были подозрения, что женщине помогли упасть. Кто-то видел мелькнувшие в окне руки, которые и толкнули Ксению Борисовну. Но коротенькое следствие установило, что смерть была все же несчаст-

ным случаем, а не результатом чьего-то злого умысла.

Ксения Борисовна жила одна с дочерью, но в тот день де-вушки дома не было. Она уехала за город, чему были сви-детельства. В общем, история это в скором времени забы-лась. Назначали новую заведующую фондом, которая «всле-пую» приняла отдел античной скульптуры со всем наследием Ксении Борисовны. Так уж повелось в музеях, что за-ведующий фондом становится его хранителем пожизненно и уходит с занимаемой должности, лишь, когда покидает этот бренный мир. Правда, случаются повышения по службе, когда хранитель получает другое назначение или, что бывает крайне редко, уходит по состоянию здоровья. Тогда, прежде чем назначить нового хранителя, старый сдает полный отчет по вверенному ему имуществу. Это процедура неприятная и волнительная, поэтому в недрах музея ее стараются всячески избегать. Новая хозяйка, как только-только вступила в должность, ничего не могла сказать о ситуации в приня-том фонде. Ей предстояло еще разобраться в хитросплетениях Ксении Борисовны, и таким образом, отдел античной скульптуры в тот раз избежал тотальной проверки. Но именно это таинственное происшествие положило начало невероятным, подчас мистическим, жестоким событиям, в которые было вовлечено множество людей.

ГЛАВА 2

МЕРТВАЯ СТАТУЯ

Преступник напряженно вглядывался в застывшие черты, но все опасения были напрасны, жизнь бесповоротно покинула это молодое и прекрасное тело. Преступник усмехнулся и стал неторопливо снимать с убитой одежду: легкую блузку, в меру короткую юбку, тонкие колготки, туфли. Дойдя до нижнего белья, убийца вновь засмеялся.

– Нет, моя милая, так не пойдет, – прошептал он. – Будем играть по правилам.

Убийца осторожно снял тончайшие изысканные трусики и такой же утонченный бюстгальтер. Однако обнаженное тело, хотя и мертвое, не вызвало у него никаких эмоций. Преступник, не отвлекаясь на созерцание юных прелестей, деловито извлек из небольшой спортивной сумки банку, наполненную каким-то густым белым составом, напоминающим сметану. Злоумышленник еще раз взглянул в лицо убитой, взял руку, пощупал пульс, потом приложился к груди. После этого осмотра он удовлетворенно кивнул и, зачерпнув «сметану» из банки, плюхнул хлопья на мертвую девушку. Убийца стал энергично наносить состав на покойницу, не оставляя без внимания ни одного участка этого заочеченвшегося те-

ла.

– «Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек», – тихонько напевал преступник.

Не прошло и часа, как на полу уже лежала статуя, порожденная сознанием извращенного, безумного, дьявольского художника. Оставались волосы. Садист тщательно вытер руки салфеткой, извлеченной из той самой сумки, потом приподнял голову покойницы и чуть тронул большую заколку, держащую ее прическу. Роскошные белокурые локоны нежными лучами распались по плечам жертвы. Что-то похожее на сочувствие промелькнуло по лицу убийцы.

– Да, это будет болезненный удар для нашего очаровательного знакомого. Он не скоро оправится от такой потери. – пробормотал преступник. – Но что поделать, красавица, он сам во всем виноват. В конце концов, не я, а он – истинный виновник твоей смерти. «Не цвести больше цветочку, не гуляти добру молодцу. Умыкали сивку крутые горки». Ну, или как там еще поется.

Болтая таким образом, злоумышленник извлек из сумки парикмахерские принадлежности и принялся создавать хитроумную прическу на голове убитой. Он подвил и поднял локоны, после чего украсил их белоснежной лентой. Подобным образом убирали волосы девушки, жившие в эпоху глубокой античности. Это еще более придало убитой сходство с греческой статуей. Преступник вновь зачерпнул белил и выкрасил голову своей мертвой модели. Закончив и этот этап своего

творчества, безумный художник радостно рассмеялся.

– Ну, а теперь, моя Золушка, – проговорил убийца, – пора подумать и о платье для бала.

Теперь преступник явил на свет аккуратно сложенный белоснежный древнегреческий костюм и пару кожаных сандалий на тонких ремешках. Убийца осторожно обрядил в него свою жертву. Потом искусно покрыл белилами и одеяние убитой, убрав тем самым последние признаки живого человеческого существа. И только осязание руками, могло открыть чудовищный материал для этой истинно совершенной скульптуры. Полюбовавшись несколько минут делом рук своих, сумасшедший художник сунул баночку с остатками белил в карман своего огромного длинного передника, надел перчатки, поднял «статую», пренебрежительно перекинул ее через плечо и вынес из своей мастерской. В коридоре было темно, но «ваятель», похоже, прекрасно ориентировался в обстановке. Он уверенно шел вперед, открывая своим ключом двери. Наконец он достиг просторного темного зала, через плотно занавешенные тяжелыми шторами окна которого, пробивались блики горящего за окнами электрического света. В углу зала, у самой колонны, стоял пустой пьедестал. На него преступник водрузил убитую, прислонив к колонне. Потом он вытащил из другого кармана молоток и, вогнав гвозди в ладони мертвой девушки, прибил гвоздями свою «статую» к этому элементу композиции. Гвозди подозрительно легко, почти беззвучно, вошли в белый мра-

мор декора, словно колонна была сделана из мягкого дерева. Следы гвоздей преступник быстро замазал своими удивительными белилами. Он отошел на шаг и, сощулив глаза, любовался содеянным. Редкий свет высветил прекрасную скульптуру, которая органично вписалась в череду других изваяний, расставленных по всему залу.

– Тебе здесь будет неплохо, моя милая, – прошептал художник. – Наконец-то ты попала в действительно достойное тебя общество. И все-таки жаль, что так получилось, прости меня.

Художник еще раз бросил взгляд на белеющую мертвым светом статую, всего несколько часов назад бывшую живым человеком, и покинул зал.

ГЛАВА 3

КОЛЛЕКЦИОНЕР-ЭСТЕТ

Было ранее утро, Степан Федорович Инкс сидел в своем загородном доме возле чуть приоткрытого окна и наслаждался двумя эфирными потоками: майской свежестью, состоящей из запахов сирени и жасмина, и легкими звуками музыки эпохи барокко, доносившимися, казалось, неизвестно откуда. Источник музыки все же был вполне реальным, но, благодаря умениям дизайнеров, надежно замаскированным. Степан Федорович не любил достижения цивилизации, он предпочитал свечи вместо ламп, камин в качестве отопления, а передвигался, в основном, пешком. Автомобиль у Степана Федоровича был, но его он использовал лишь, когда выезжал в город, что случалось не часто и только в самом крайнем случае. В элитном поселке, где он жил, среди местных чудаков и оригиналов, которые в изобилии населяли этот благодатный край, Степан Федорович был самым выдающимся и парадоксальным. Степан Федорович Инкс отличался предельной вежливостью, сдержанностью, суровостью и немногословностью, кроме того, Инкс был самый богатый в этом золотом крае, а уж его интеллект и познания выходили далеко за пределы сего островка благополучия. Будь у Степана Федоровича хоть немного честолюбия, он без труда бы стал мировым светилом в области науки и искусства, но Инкс был не тщеславным сибаритом. Дожив

до 40 лет, он заимел только два пристрастия: классическую музыку и свою коллекцию антиквариата, каждый экспонат которой представлял собой баснословную ценность и, продав даже один из предметов, Степан Федорович мог бы обеспечить себя до конца своих дней. И не только себя, но и детей и внуков, если бы они у него когда-нибудь появились. Но Степан Федорович обзаводиться семьей не спешил. И артефакты он не продавал, а покупал. И только исключительные причины могли заставить Инкса расстаться хоть с одним из экспонатов. И пока в жизни Степана Федоровича было только два таких случая, и они ему обошлись в два редчайших предмета коллекции. Но Инкс не жалел об утратах, потому что эти жертвы были необходимы и более чем оправданы. При всей своей нелюдимости, Инкс был отзывчивым и добрым человеком. Со своими предложениями он не лез, но, если просили помощи, и, просивший действительно нуждался, он никогда не отказывал.

Степана Федоровича все очень уважали, но любить побаивались, да он и не стремился сблизиться с кем-либо или расширить свои знакомства, предпочитая вести уединенную замкнутую жизнь.

Единственным другом, с которым Инкс близко сошелся, был Дмитрий Александрович Проклов, сосед по поселку Константиновка, неутомимый археолог и коллекционер.

Эстет Степан Федорович, обожавший рассветы, особенно в летнюю пору, и в это утро проснулся очень рано. Он при-

ветствовал восходящее солнце чарующей музыкой и блаженно улыбался, наслаждаясь звуками, запахами и приятными размышлениями о предстоящем бале.

Ежегодно, в день рождения Музея изящных искусств, в этом всемирно известном дворце, устраивался торжественный прием, куда приглашались выдающиеся деятели науки и культуры, миллионеры, и прочие известные личности. Степан Федорович и Дмитрий Александрович как признанные коллекционеры и уважаемые эксперты были постоянными участниками этих мероприятий. Как раз Проклов возвращался из очередного своего археологического путешествия, и Степан Федорович по возбужденному голосу друга понял, что Проклов вновь приедет не с пустыми руками. Инкс, хоть и был моложе Дмитрия Александровича лет на 15, давно завязал с поездками, предпочитая не находить, а покупать уже найденные шедевры. Изнурительные раскопки и тяготы походной жизни не привлекали коллекционера-эстета. Для Проклова же, наоборот, коллекционирование было второстепенным делом, которое просто являлось дополнением к археологии. Дмитрий Александрович Проклов обладал мистическим чутьем на клады. Для своих поисков он выбирал самые заброшенные, самые удаленные уголки, из которых неизменно возвращался с редчайшими ценностями. Часто подобные экспедиции занимали у него несколько месяцев, а случалось, что и год. Проклов работал один; во-

оруженный необходимой аппаратурой, живя в палатке, а то и вовсе в своем верном внедорожнике, он день за днем трудолюбиво и настойчиво поднимал пласты земли, погружался в зловонные болота или раскаленные пески. И природа раскрывала перед мудрым и терпеливым искателем свои тайны. Инкс же обладал необходимыми связями и знаниями, чтобы иметь информацию, у кого купить, где купить и по какой цене. Очень часто Степан Федорович покупал раритеты у друга или помогал ему реализовать найденный артефакт.

Мужчины договорились ехать вместе. Дмитрий Александрович, зная неприязнь друга к автомобилям, вызвался сам отвезти Степана Федоровича на бал.

Аристократические руки Степана Федоровича покоились на изящных подлокотниках кресла; лучи, щедро льющиеся в открытое окно, освещали точеный профиль: нос с горбинкой, спокойные мечтательные глаза, тонкие губы, аккуратно причесанные черные волосы. Степан Федорович грезил наяву, его мысли были приятны и блуждали в недостижимых сферах; музыка, то задумчивая, то бодрая, словно ручеек, бегущий по камешкам, наполняла небольшой, но очень уютный и изысканный дом.

Восходящее солнце осветило хорошо обставленную комнату, интерьер которой составляла мебель, созданная, или уже воссозданная, по макетам 18 века: изящные шкафы-поставцы, наполненные антикварной посудой, резные кресла а-ля Людовик XV, легкие стулья, почти воздушные столики.

На миниатюрных полочках стояли статуэтки и вазочки, многим из которых, уже минуло не одно тысячелетие.

Перед мысленным взором Инкса проносились приятные образы чертогов, куда ему предстояло вскоре отправиться. Степан Федорович любил все приятное, будь-то звуки, запахи, слова или цвета. А здесь, в Музее изящных искусств, это все сливалось в единую упоительную гармонию. И начиналась она уже с первого этажа, где располагалось кафе, в котором готовили и подавали, вкуснейший кофе. Тонкий аромат напитка легким флюидом летал под сводами этого святилища искусства. Следуя по первому этажу, он втекал в египетский зал, строгий и таинственный, как сама жизнь древнего народа, и здесь смешивался с древними благоуханиями, которые источал, наверное, каждый предмет, египетской коллекции. Потом он, обогащенный восточным фимиамом, устремлялся в просторы греческих залов, огромных и светлых, словно храмы Эллады, а оттуда, почерпнув оттенки средиземноморского ветра и солнца, разлетался мириадами дуновений по залам и галереям Музея и не терялся среди дыхания и духов туристов и посетителей. Инкс блаженно улыбнулся и вдохнул полный грудью, словно уже ощущая эти пьянящие запахи. И какое наслаждение будет проходить под сводами просторных залов, вдыхать их аромат, к которому будет примешиваться еще один чарующий, еле ощутимый, неуловимый запах, запах изысканных духов прекрасной спутницы...

В комнату, где грезил Степан Федорович, вошел управляющий, Арнольд Карлович Штиглиц, колоритный персонаж жизни Инкса. Это был высокий толстый мужчина лет пятидесяти, с лысой макушкой, аккуратно обрамленной черными волосами, и выпуклыми круглыми глазами. Одет он был в элегантный черный костюм, белоснежную рубашку и лаковые сверкающие туфли, дорогой галстук лежал почти параллельно полу на внушительном животе. Арнольд Карлович выглядел столь респектабельно, что многие непосвященные в таинства «золотого оазиса», принимали Штиглица за хозяина дома. Определить облик, характер и даже профессиональный стаж этого человека можно было одним словом «солидность». Арнольд Карлович являлся еще одним поводом для зависти соседей и знакомых Степана Федоровича. Штиглиц был образцовым секретарем и управляющим, казалось, уже одним своим представительным видом наводил порядок во вверенных ему делах.

Штиглиц бережно, словно святыню, нес в руках поднос, на котором дымился ароматный чай, источавший цветочный запах, стоял изящный чайничек, и лежали горкой аппетитные пирожки. Эта было еще одним правилом дома Инкса: когда Степан Федорович размышлял или встречал рассвет, так как он делал ныне, его обслуживанием занимался лично Арнольд Карлович. Стараясь быть незамеченным, секретарь расставил на столике возле Инкса принесенное угощение. Делал он все основательно, неторопливо, словно выпол-

нял некий священный ритуал. И все же, как ни старался он быть незаметным, Инкс отвлекся от своих приятных мыслей.

– Арнольд Карлович, – улыбнулся ему коллекционер, – доброе утро.

– Доброе утро, Степан Федорович, – церемонно поклонился секретарь. Он хотел уйти.

– Благодарю вас, друг мой. Пирожки с медом и жасминовый чай. Все, как я люблю. Позавтракайте со мной, – кивнул на стол Инкс.

Арнольд Карлович несколько растерялся от приглашения. Но Инкс засмеялся, подошел к шкафчику, достал оттуда антикварную чашку и налил секретарю чай.

– Спасибо, – пробасил смутившийся Арнольд Карлович.

Инкс сам подставил кресло Штиглицу. Арнольд Карлович сел. Они принялись за еду.

– Ну, какие новости в нашем селении? – весело спросил Инкс.

– Вчера вечером, когда вы уже легли спать, – обстоятельно проговорил Арнольд Карлович, – я заметил «Скорую», она скрылась там, за поворотом.

– «Скорую»? – Инкс нахмурился. – Кто-то серьезно заболел в этом раю.

– Да, вероятнее всего, – сказал Арнольд Карлович.

– Ну, ничего, это мы узнаем. Сегодня возвращается Дмитрий Александрович Проклов. Он зайдет ко мне в гости. Кажется, наш археолог привез из своего путешествия диковин-

ку и хотел мне ее показать и заодно посоветоваться по какому-то вопросу. Организуйте, пожалуйста, для нас часам к двум угощение. Вы знаете, что Дмитрий Александрович любит. Но я хочу его порадовать особенно. Человек не видел цивилизации почти год. И главное, поставьте побольше цветов. Если Дима собирается придти с шедевром, то пусть его артефакт увидит достойную встречу. Дмитрий Александрович – тонкий знаток прекрасного, у него – действительно ценности. Я не могу допустить, чтобы раритет, оказавший людям честь уже своим обнаружением, был разочарован. Люди подурнели с античных времен, но в их сердцах еще не угасло понимание совершенства и красоты.

– Я все сделаю, Степан Федорович, – сказал секретарь.

– Я знаю, – кивнул Инкс. – Я помню наше недавнее торжество, которое вы мне помогли организовать в честь этрусской вазы, -коллекционер посмотрел на полочку, где красовалась расписная амфора, покрытая причудливыми яркими узорами. – Я полгода добивался ее продажи. Достойное приобретение и праздник был достойным. Еще раз спасибо, мой друг.

Арнольд Карлович вновь церемонно поклонился.

– У вас отличный вкус, – проговорил Инкс. – Вы всегда все делаете правильно. Я могу вам безоговорочно доверять.

Арнольд Карлович зарделся от удовольствия или выпитого чая, но сохранил свою неприступность. Он опять учтиво поклонился.

ГЛАВА 4

НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Несчастный скончался мгновенно, схватился за сердце, вскрикнул, упал на пол, несколько конвульсивных хриплых вздохов и меньше чем через пять минут его не стало.

– Жаль, жаль, – вздохнул преступник, – а выглядел таким крепким.

Он с интересом разглядывал распростертого у его ног покойника. На столе, возле которого лежало тело, поблескивал какой-то неприглядного вида бесформенный камень. Злоумышленник сунул его в карман.

– Тебя только не хватало здесь, – пробурчал он. – Не дай Бог, найдут, хлопот не оберешься.

Преступник не торопился уходить из квартиры умершего, казалось он что-то искал. Он беспокойно шарил глазами по столу, пытаясь найти необходимое. Но ничего подходящего для его замысла ему не попадалось. Злоумышленник стал рыться в столе.

– Не может быть, у такого человека должна она иметься. Каждый в своей душе художник, а этот – и тем более. Кто привык иметь дело со словами, тот хоть изредка, но берется за краски. О, – внезапно обрадовался он, – это то, что нужно!

Преступник нашел синий маркер. Улыбка озарила его лицо.

– Синий цвет – цвет чернил, – проговорил довольный бан-

дит. – Сколько ты их извел, пока писал свои речи? Я назову свою работу «Чернильная душа», ты станешь символом всех бумагомарателей, каким бы ни был их род деятельности. Преступник с упоением провел маркером по мертвому лицу, синяя полоса зловеще подчеркнула бледность уже остывшего тела.

– «Точка, точка, запятая... – тихо напевал преступник, закрашивая лицо покойника синим маркером. – Ручки, ножки, огуречик – вот и вышел человечек». Человечек весь вышел, – сострил злодей, завершив свою работу. – А какой был, не человечек, а матерый человечище!

Злоумышленник, еще раз полюбовавшись на дело рук своих, покинул квартиру.

ГЛАВА 5

ДРУЗЬЯ

К двум часам дня у Степана Федоровича уже все было готово к встречи друга, который возвращался из очередного своего путешествия. Арнольд Карлович украсил комнату роскошными цветами, повара приготовили самое изысканное угощение.

Дмитрий Александрович Проклов был высокий худой пожилой мужчина, с загорелой обветренной кожей, седыми волосами и стертыми, загорбелыми, как у рудокопа руками. Весь облик, с первого взгляда, выдавал в нем человека, привычного к самым суровым условиям обитания и тяжелому физическому труду. В блистательном оазисе Константиновки, среди светских львов и львиц, которые даже на отдыхе выглядели, словно позировали для модного журнала, Проклов смотрелся аномально. И очень часто, если Дмитрий Александрович не был одет в дорогой костюм, его принимали за одного из обслуживающих «райский» сад. Сейчас Проклов был взволнован, его губы и скуластое лицо подрагивало. Инкс осуждающе покачал головой.

– Твои поездки не доведут тебя до добра, – проговорил Степан Федорович, протягивая руку другу.

– Ничего, пустяки, просто я немного устал, – заикаясь, сказал Дмитрий Александрович. По его лицу обильно струился пот.

– Ты нездоров, мой друг, – покачал головой Инкс.

Он усадил Проклова в кресло и налил ему бокал вина. Дмитрий Александрович молчал и судорожно пил вино, при этом его зубы постукивали о край бокала.

– Что с тобой? – заботливо спросил Степан Федорович. – Ты, словно не в себе. Тебе надо отдохнуть. Вижу, путешествие было нелегким.

Дмитрий Александрович лихорадочно встал, подошел к двери Инкса и, убедившись, что она плотно закрыта, вернулся на свое место.

– Я нашел ее, – прошептал Проклов, близко наклоняясь к Инксу.

– Кого? – спросил Степан Федорович, вглядываясь в безумные глаза друга.

– Жемчужину моей коллекции, бесценный артефакт! – шепотом воскликнул Проклов. – Это достойное завершение моей деятельности.

– Ну почему завершение? – спокойно проговорил Инкс. – Как известно, нет границ для совершенства.

– Есть, пойдем ко мне, и ты сам все увидишь. Лучшего творения еще не создал мир.

Проклов, как нетерпеливый ребенок, схватил друга за руку и потащил к выходу.

– Я хотел тебя угостить, – сказал Инкс.

– Пойдем, пойдем, – говорил Дмитрий Александрович. – Пообедаем у меня. Твой стол всегда хорош, но сегодня я осмелюсь им пренебречь. Не обессудь. Ты сам все поймешь. Это надо видеть. Если не упадешь перед ней на колени, то, значит, в мире больше нет святынь. Это Мадонна, Венера, богиня!

Проклов, взвинченный до предела, устремился к своему дому, Инкс еле поспевал за ним. Они вошли в коттедж Проклова. Степан Федорович не был у друга уже месяцев восемь, то есть все его время отсутствия. Несколько раз коллекционер заходил в дом Проклова, чтобы узнать, все ли в порядке у его обитателей, но надолго не задерживался, так как разговаривать здесь было не с кем. Дочка ученого проживала в городе, сын тоже редко навещал коттедж, ведя божественную жизнь.

Инкс любил посещать владения друга, и не только из-за общения со старинным товарищем, но и потому, что получал несказанное удовольствие от созерцания находок Проклова. И сейчас Степану Федоровичу очень хотелось вновь полюбоваться на раритеты друга, но Дмитрий Александрович, схватив Инкса за руку, повлек его через весь коттедж. Степан Федорович с сожалением смотрел на проносящиеся мимо него на самой последней скорости витрины и полки, уставленные диковинками. Наконец археолог остановился возле маленькой узкой бронированной двери. Дмитрий Александрович

открыл ее замысловатым ключом, тут же, едва Инкс вошел во внутрь, закрыл, потом пошарил по стене и привычным движением включил свет. Степан Федорович увидел, что находится в помещении, низком и душном, без окон, напоминающем кладовку. Посредине нее стоял предмет, в котором угадывались очертания статуи, закрытый плотным покрывалом.

– Ты готов? – спросил Проклов, тяжело дыша от возбуждения, дошедшего до предела. – Это может смертельно шокировать. Здесь само божество.

Инкс почувствовал, что тоже начал невольно испытывать волнение. Он глубоко вздохнул и шепотом ответил:

– Да.

– Смотри же! – воскликнул Проклов.

Он сорвал покрывало, и нестерпимый свет ударил в глаза Инксу. Степан Федорович на миг зажмурился, а когда открыл глаза, то замер от восхищения. Перед ним стояла золотая фигура женщины, почти в натуральную величину. Инкс признал скифскую работу. Тело было сделано довольно грубо и примитивно, руки и ноги скорее угадывались в этом массиве золота, но лицо было дивно хорошо, образчик тончайшего искусного древнейшего, утраченного ныне, мастерства. Одухотворенный лик неведомой богини, царицы или жрицы, созданный несколько тысячелетий назад. Проклов упал на колени и простер руки к древнему идолу.

– Она – само совершенство! Есть ли ей подобное в нашем

мире? – прохрипел Проклов.

Инкс молчал, тоже покоренной недостижимым величием и древней красотой этого неведомого создания.

– И она вся из золота, – простонал Дмитрий Александрович. – Я осмелился взвесить эту деву. 50 килограммов чистого благородного металла. О великая культура, великие мастера, великий народ, который не поклонялся золоту, но посвящал его богам!

Проклов рыдал, стоя на коленях у ног сурового скифского тотема. Инкс сам набросил на статую покрывало, потом поднял сотрясающегося друга, выключил свет, вывел археолога из кладовки, взял у него ключ и сам закрыл дверь. Ключ он вручил Проклову.

– Пойдем, – сказал Степан Федорович. – Боги не любят, когда на них долго смотрят.

Проклов на шатающихся ногах прошел в гостиную своего дома и тяжело плюхнулся в кресло. Инкс сел рядом.

– Я сам нашел ее, – плакал археолог, – в сибирской глуши, где не бродят даже звери. Несколько месяцев тяжелого, одинокого труда. Ты ведь знаешь, я работаю один. Временами я готов был впасть в отчаяние. Но вот удача улыбнулась мне, я наткнулся на старинное захоронение. Это была подземная гробница, каменный склеп. Я спустился и увидел ее. Дева стояла на простом гранитном камне и смотрела во тьму; я пал к ее ногам, с благодарственными молитвами к древним хранителям этой могилы. Земля исторгла Деву прямо мне

в руки. Я, чтобы сберечь богиню от недостойных глаз, там же обмазал ее глиной, а потом положил на дно моей машины и повез. Да простит мне Великая, моё святотатство! Я вывез ее на своем внедорожнике. Все это время я почти не спал и не ел. И теперь она здесь.

– Что ты собираешься делать с находкой? – спросил Степан Федорович.

– Оставлю у себя. Она – венец моих трудов. Мне дальше все равно, теперь мне даже смерть не страшна. Я достойно завершил мою жизнь.

– Деву нельзя хранить в доме, – сказал Инкс. – Такие творения не подходят для людей.

– Я сделаю для нее отдельное, тайное, помещение; только ты, мой друг, и я будем знать, где находится Дева.

– Это не годится, – печально проговорил Инкс. – Идол, сокрытый от людей, не должен возвращаться к людям. Лучшее, что ты можешь сделать, это вернуть ее на место и хорошо замаскировать гробницу.

– Ты с ума сошел! – воскликнул Проклов. – Это шедевр моей коллекции! Я уж не говорю, какого труда мне стоило ее отыскать и провезти незамеченной. Я постарел на этом деле. Ей нет цены!

– Она действительно бесценна, – спокойно проговорил Степан Федорович, – и не только из-за своей древности и красоты, но и из-за материала. Золото всегда притягивало зло. А здесь слиток, весом в пятьдесят килограммов!

Проклов с ужасом смотрел на своего друга.

– Степа, если бы я не знал тебя так хорошо, то подумал бы, что завидуешь мне, – пробормотал археолог.

– Ну вот ты уже обезумел, – рассмеялся Инкс. – Я не завидую, а волнуюсь за тебя. У тебя есть сын и дочь, и, оставляя эту статую в доме, ты рискуешь не только своей, но и их жизнями.

– Ольга не живет здесь, а лишь приезжает на каникулы. Сына, – грустно усмехнулся Дмитрий Александрович, – я уже давно не видел. Бессовестный мальчишка носится где-то целыми днями и ночами.

– Хорошо, не хочешь возвести ее назад, передай в музей. Мы завтра едем на бал и вместе доставим твою статую туда. Так будет лучше для всех.

– Нет, это исключается. Деву не должны видеть люди. До поры до времени, я и детям не расскажу о своей находке. Только мы с тобой будем обладателями этой тайны. Но, если уж мы заговорили о детях, то у меня к тебе есть еще одно дело.

Проклов успокоился и заговорил сдержанно и по-деловому.

– Я чувствую, Степа, что скоро умру.

Инкс удивленно поднял брови.

– Да, да, такое случается. У меня предчувствие. И оно меня не обманывает. Мое чутье никогда меня не подводило, именно благодаря ему, моей интуиции, я и сделал все свои

находки. Знания, архивы, история – это все пустяки, клад может открыть только тот, кто наделен шестым чувством, и оно у меня превосходно. Эту поездку я и положил себе как последнюю, я знал, что она обернется удачей, правда, не предполагал, что такой. Но ты прав, говоря, что эта статуя не принесет мне добра. Скифы неспроста поместили ее в тот подземный склеп. Она ли, или что другое, но прервет мою жизнь...

– Ты очень мрачен, Митя, – попытался возразить Инкс.

– Я просто здраво смотрю на жизнь. Но я не хочу оставлять детей сиротами. Ольга уже взрослая, она умная самостоятельная девушка. Олечка преданна нашему делу; навещала меня на раскопках, привозила еду, одежду. Не побоялась отправиться в такую глушь. Она, во всем большая умница, к тому же скоро вы поженитесь, чему я несказанно рад.

– Обязательно поженемся, – сказал Степан Федорович. – Олечка – мой идеал.

– Да, за Ольгу теперь я абсолютно спокоен. Было время, я и за нее немножко переживал. Она так умна, так красива, в ней просто нет недостатков. Я оставляю Олечке хорошее наследство, поэтому очень боялся, что к ней потянутся всякие проходимцы. Но, к счастью, моя доченька оказалась серьезной, и не разменивала себя на флирт и прочие праздные развлечения. А когда вы сообщили мне о своей помолвке, – это был для меня, словно живительный нектар. Прямо гора с плеч долой. Ты и Ольга созданы друг для друга.

– Это верно, – кивнул Инкс.

– Нет, за дочь я больше не волнуюсь, – продолжил археолог. – Эрик – моя забота и боль. Я часто уезжаю, Олечка учится в городе, и мальчишка предоставлен сам себе. А ведь ему только 15. Умри я, и парень совсем пропадет. Поэтому я сделал вот что, – Дмитрий Александрович достал из бюро несколько бумаг и протянул их Инксу. – Это мое завещание, которое я составил перед поездкой. В нем я распорядился относительно своего имущества. Я поделил коллекции на две равные части. Половиной будет владеть Ольга, половиной Эрик, здесь все указано. Дом тоже останется сыну, у Олечки есть отличная квартира в городе, к тому же, скоро она станет хозяйкой в твоём доме.

– Станет, в этом я могу поклясться тебя, – сказал Инкс.

– Не клянись, твоё слово надёжнее любой клятвы и печати. В этом я убедился ещё много лет назад, когда ты спас меня.

– Какие пустяки ты вспомнил, – махнул рукой Степан Фёдорович.

– Не пустяки. Если бы не ты, мой друг, меня бы уже и на свете не было. Всеми годами, которые я прожил после той трагедии, я обязан тебе.

– Да не мне, а Фриману Натану Давидовичу.

– Которого нанял ты, на свои деньги, продав редчайшую драгоценность. Не спорь, я знаю стоимость короны царя Дария.

– Но я не продавал ее, – сказал Инкс. – Разве я продаю шедевры? Деньги оскверняют искусство. Я подарил эту корону Фриману в обмен на его адвокатские услуги. Я сам вкладываю деньги, чтобы освободить шедевры, но делать их предметом торга и обогащения —никогда.

– Твое благородство и честность безграничны, вот поэтому я и сделал тебя своим душеприказчиком. До совершеннолетия Эрика я назначаю тебя опекуном моего сына. Но, если и к 18 годам этот шалопай не поумнеет, не возьмется за ум, не обучится какому-нибудь делу, то ты и дальше будешь распоряжаться его имуществом. Я не хочу, чтобы мой сын все пустил по ветру, и сам погиб в какой-нибудь канаве или гнусном кабаке. Но я верю, ты сделаешь из моего мальчишки человека. У тебя есть мудрость, знания и ты никуда не спешишь. Я составил это завещание в трех экземплярах. Один останется у меня, второй я уже ныне вручу тебе, третий – хранится у Фримана, с ним мы и обговаривали все детали... – Проклов помолчал, потом, облизнув пересохшие губы, продолжил: – Но, если так случится, что Эрик тоже умрет, – я знаю, мальчишка уже крепко увяз в пороках: наркотики, пьянство, беспутный образ жизни, – то тогда его доля наследства достанется тебе. Коллекция не должна распылиться по чужим рукам.

Проклов печально опустил голову. Инкс осторожно положил руку на плечо другу.

– Я, конечно, все сделаю, что ты хочешь, – сказал Инкс, –

ты можешь не волноваться ни за сына, ни за дочь, ни за свою коллекцию. Но все же, мне кажется, ты слишком мрачен. Ты не стар, здоров, полон сил. Ты сам можешь позаботиться о том, что и кто тебе дороги.

– Нет, мне осталось недолго, я это чувствую. Смерть уже забралась в мой дом. Вчера ночью, в мое отсутствие, умерла наша горничная, Роза. Совсем молодая девушка, чуть старше Эрика. Прислуга говорит, что девушка в тайне принимала наркотики, и никто не мог победить ее пагубное пристрастие. Несколько раз хотели выгнать, но она была сиротой, кому она нужна? Умоляла простить ее, обещала, что это в последний раз, а потом срывалась, и все начиналось сначала. В итоге, передозировка и смерть. Я ничего не знал об этом, я слишком редко бывал дома...

– Значит, вот какую «Скорую» видел сегодня рано утром мой секретарь. проговорил Инкс.

– Да, мне рассказали, что прислуга обнаружила ее в саду, без сознания, рядом валялся шприц. Вызвали врача, но было уже поздно. Несчастная девочка скончалась... Мне страшно подумать, что и Эрика ждет подобная судьба. Натолкаться какой-то дряни и отдать Богу душу под кустом, словно бродячий пес. – В порыве отчаяния Проклов схватил Инкса за руки. – Степан, спаси моего мальчика, вытяни его из этого болота. Я был плохим отцом, я слишком был занят археологией. Но ты другой. Именно такой человек нужен моему сыну. Порадуй, если не мой разум, он умрет вместе с телом,

так хоть мою душу, которая останется жить вечно и будет страдать, глядя на мучения сына.

Проклов, словно ребенок, уткнулся в плечо друга и рыдался. Инкс гладил археолога по худым плечам, обтянутым мягким застиранным свитером. Степан Федорович был печален и задумчив.

ГЛАВА 6

ПОЖАР

Друзья просидели за разговорами до позднего вечера, и лишь, когда солнце опустилось совсем низко, Инкс отправился домой. Проклов уговаривал посидеть еще немного, но Степан Федорович настоял на их расставании.

– Завтра бал, – напомнил Инкс. – Надо хорошо отдохнуть и подготовиться. А ты только утром вернулся из путешествия.

– Да, бал, – рассеянно отозвался Проклов.

Инкс спустился с крыльца и направился по дорожке, ведущей к его коттеджу. На душе у него было беспокойно. Не зная сам почему, Степан Федорович обернулся. Он увидел в окне, освещенном красным заходящим солнцем, изможденную фигуру друга. Проклов с тоской смотрел ему вслед. Инкс, желая ободрить старинного товарища, приветливо помахал рукой. Археолог тоже махнул на прощание. Эта встреча была последней.

Инкс, в предчувствии чего-то ужасного, долго не мог уснуть, и лишь под утро забылся тревожным сном. Его разбудили крики, доносившиеся с улицы. Он поморщился и выглянул в окно. Через густые кусты и деревья, окружив-

шие живой стеной дом Инкса, мелькали странные всполохи, словно вдалеке бушевала гроза. Коллекционер в недоумении посмотрел вверх, но майское небо было ясно и чисто. Крики стали громче и ближе, а на Инкса пахнуло гарью.

– Пожар! – догадался Степан Федорович.

Внезапно страшная догадка поразила его, он понял, что горит дом Проклова. И тут же, будто в подтверждении его слов, он услышал возгласы:

– Прокловы горят!

Не обращая внимания на предостерегающие крики Арнольда Карловича, Инкс бросился к месту трагедии. Пробежав по улице, запруженной любопытными, он оказался возле хорошо знакомого дома, который Инкс покинул всего лишь несколько часов назад. Уже издали Степан Федорович увидел страшную картину: словно огромный костер полыхал там, где стоял коттедж археолога.

Оглушительный треск заглушал все звуки, небо здесь представляло один душный черный сгусток. Все находившиеся рядом кашляли, но не собирались покидать любопытное увлекательное зрелище. Пожарные и милиция отгоняли зевак и доброхотов-помощников!

– Разойдитесь, господа! – смущаясь от пока еще непривычного в русском лексиконе обращения, кричали пожарные.

– Не толпитесь, – и прибавляли: – пожалуйста.

Учитывая место происходящего, элитный поселок, струк-

турам приходилось соблюдать максимальную осторожность и выказывать крайнюю вежливость. Инкс подбежал к одному из пожарных, самозабвенно направлявшему мощную струю на пламя, которое и не собиралось затухать.

– Где хозяин этого дома? – возбужденно воскликнул Инкс.

Пожарный оторвался и меланхолично взглянул на Инкса. Степан Федорович, несмотря на ранний час, был одет добротно, хотя и несколько небрежно. Борец с огнем сразу же определил, что перед ним не представитель obsługi козырного поселения, а один из тузов данной местности.

– Милиция их ищет, – сказал пожарный. – Если не покинули дом, то наверняка сгорели. Соседи вызвали нас, говорят, дом вспыхнул разом и везде. Похоже, его облили бензином, а потом подожгли, – последнюю фразу пожарный произнес с особой гордостью, радуясь, что не хуже сыщика может воспроизвести картину событий. – Вот, как горит. Никакая вода его не берет.

Степан Федорович хотел броситься в коттедж, но запыхавшийся Арнольд Карлович, подоспевший на помощь своему хозяину, удержал его, непочтительно схватив за полу наспех накинутаго пиджака.

– Это бесполезно, Степан Федорович, – сказал он, – даже пожарные здесь бессильны. Есть вероятность, что он спасся и где-нибудь потерял сознание. Надо поискать.

Степан Федорович и управляющий стали расспрашивать

всех стоящих вокруг, но никто не видел ни самого хозяина, ни кого-нибудь из обитателей его дома. Инкс вернулся к себе и, подбежав к столу, вытащил их ажурного ящичка свой сотовый. В волнении он набрал номер Проклова, но телефон не ответил, холодным голосом сообщив, что абонент, вероятно, находится вне зоны сети. Он позвонил дочери друга, но и с ее номера прозвучал тот же равнодушный ответ. Не отозвался телефон и сына Проклова.

— О, нет, — прошептал Степан Федорович, — только не это! Так не должно быть! Не может! Только не Ольга! Она должна быть в городе!

— Машину, Арнольд Карлович! — крикнул он. — Мы должны поехать к Ольге Дмитриевне.

Небо уже стало светлеть, новый день вступал в свои права. Степан Федорович и его секретарь, красный от волнения и непривычных физических усилий, выбежали из дома, сели в автомобиль, но, едва они выехали за ворота, как им преградил дорогу какой-то человек. Он показывал удостоверение. Штиглиц, сидящий за рулем, неохотно остановил машину. Инкс вышел из нее и оказался лицом к лицу с крепким мужчиной лет 30-ти. У незнакомца было деловое лицо и энергичная фигура. Он был одет в короткую кожаную куртку и хорошие, но запыленные ботинки.

— Следователь по особо важным делам, Измайлов Анатолий Петрович, — представился он. — Мне надо с вами поговорить.

– Да, конечно, – сказал Инкс, – хотя признаться, я очень спешу. Погиб мой друг, пропали его дочь и сын. Я хочу найти их...

– Об этом я и хочу с вами побеседовать, – сказал Измайлов.

– Хозяин дома, Дмитрий Александрович Проклов, жив? – спросил Инкс.

– Мы думаем, что нет, – ответил следователь. – В огне обнаружены тела. Предстоит опознание.

– О Боже, – прошептал Степан Федорович, проводя рукой по бледному лицу. – Пройдемте в дом.

Инкс указал на резные кресла. Измайлов с некоторым недоверием опустился на указанную антикварную мебель. Сам Инкс сел на маленький золотисто-красный диванчик.

– Как это случилось? – спросил Инкс.

– Случилось достаточно просто, – ответил Измайлов, – дом облили бензином и подожгли. Мы нашли несколько трупов. Сейчас проводится опознание. Скорее всего, среди погибших находится сам Проклов и, вероятно, его сын.

– А дочь? – одними губами прошептал Инкс.

– Нет, Ольга Дмитриевна не пострадала. Некоторое время назад мы связались с ней. В момент трагедии она была в городе.

Инкс вздохнул с облегчением.

– Правда, ночью, Проклова отсутствовала в городской квартире, – продолжал следователь, – но к утру она верну-

лась, и мы оповестили ее о случившемся. Оpozнание будет достаточно сложным, все тела обгорели. Да, собственно говоря, и тел нет, одни кости с кусками кожи.

– Бедный Дима, – прошептал Степан Федорович.

– Ну, не такой уж и бедный, – жестко проговорил Измайлов. – Дмитрий Александрович Проклов был влиятельным, я уж не говорю, богатым коллекционером. Его собрание предметов искусства известно во всем мире. Конечно, его коллекция уступает вашей, – следователь обвел выразительным взглядом покои Инкса. – Вы были другом семьи Прокловых, поэтому я и пришел к вам одному из первых. Что вы можете сказать о Дмитрие Александровиче, его связях, делах?

– Ничего такого шокирующего я не знаю. – медленно проговорил Степан Федорович. – Дмитрий археолог, коллекционер. Вдовец, воспитывал сына и дочь. Олечка сейчас студентка в университете. Сегодня мы собирались ехать на бал. Знаете, Музей изящных искусств устраивает ежегодные встречи...

– Да, – кивнул следователь, – я наслышан об этих музейных мероприятиях.

– Мы хотели заехать за Ольгой, она тоже была приглашена. Несчастливая малышка.

– Ну, не такая уж она и несчастная, – усмехнулся следователь. — Эта студентка-отличница, пока отца и брата жестоко убивали, где-то веселилась. Мы только сейчас смогли до нее

дозвониться.

– У вас предвзятое отношение, – спокойно проговорил Инкс. – Ольга замечательный человек и талантливый ученый.

– Возможно. Ее личные качества меня пока не интересуют. Мне нужны факты. А факты наводят на размышления.

– Вы ничего не нашли на пепелище? – задал Инкс вопрос, который его терзал, после того, как он принял весть о смерти друга.

– А что там можно найти? – удивился Измайлов. – Все сгорело. Я знаю, вы говорите о коллекции Проклова, но, если какие-то предметы находились в доме, они погибли. Там сейчас работают мои люди. Возможно, это было ограбление, возможно, месть конкурентов по его деятельности, пока версий много.

– Какая еще деятельность! – вздохнул Инкс.

– Ну не скажите, всем известно, и вам, как его ближайшему другу, в первую очередь, что Дмитрий Александрович был весьма преуспевающим археологом. Из всех своих путешествий он возвращался с бесценными реликвиями, которые не стремился сдавать государству. А это уже статья. По существу, ваш друг был грабителем, грабителем государства.

– Дмитрий свою коллекцию и свои деньги добыл честным, тяжелейшим трудом! – вскипел Степан Федорович. – Вы не знаете, что такое археология. Это каторжная работа!

– Он занимался ей по собственному желанию, – усмехнулся следователь, – и очень успешно. И вы, зная о делишках дружка, покрывали его. Я могу обвинить вас в соучастии ограблений.

– Ни мой друг, ни я, мы никого не грабили!

– Однако Проклов уже был обвинен в укрывательстве клада особо крупного размера. И мне известно, как вы продали некий артефакт баснословной цены, чтобы выручить вашего приятеля из тюрьмы.

Инкс уже взял себя в руки.

– Дмитрий Александрович был ложно оговорен, – невозможно сказал Степан Федорович.

– О да, адвокат, которого вы наняли, представил Проклова ангелом с сияющими крыльями. – сузил злые глаза следователь. – Только нимба не хватало для полного сходства. Но ничего, я не такой. Я не продаюсь. Я докопаюсь до истины. Камня на камне не оставлю от этого оазиса благополучия.

Измайлов поднялся.

– Вы злой, но настойчивый человек, – сказал Инкс, тоже вставая. – Я надеюсь, что вашу энергию вы направите в нужное русло и сможете найти преступников.

– Можете не волноваться, я выведу мерзавцев на чистую воду, хоть они живи в самых антикварных хоромах! – Измайлов еще раз выразительно посмотрел на утонченную обстановку Инкса. – В ближайшее время я вызову вас повест-

кой. В ваших же интересах не покидать поселка.

– Я никуда не уеду. Но вы говорите так, словно меня подозреваете.

– Я подозреваю каждого живущего в этом райском садике!

ГЛАВА 7

ЗВОНОК

Время неумолимо приближалось к вечеру. Степан Федорович тщетно пытался дозвониться Ольге, единственной оставшейся в живых из семьи Проклова. Но телефон девушки по-прежнему не отвечал. Инкс в отчаянии позвонил Измайлову. Следователь дал странный ответ.

– Да, Ольга Дмитриевна сегодня была у нас и даже ходила на опознание тел, – сказал Измайлов. – Она признала в убитых отца, брата и нескольких человек из персонала, что обслуживали их дом. А почему вас это интересует?

– Я хотел поговорить с Ольгой, но ее телефон не отвечает.

– Ну, это уж ваши заботы, – жестко усмехнулся следователь. – С нами она связалась, и у нас к ней пока вопросов больше нет. Она дала свои показания и уехала. Вероятно, девушка не желает вас знать. Уверен, у нее есть на это причины. Всего доброго.

Измайлов весьма нелюбезно положил трубку.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Инкс, он вновь набрал служебный номер следователя.

– Ну, что вам еще нужно? – с раздражением проговорил Анатолий Петрович.

– Всего один вопрос! – воскликнул взволнованный Инкс. – Вы уверены, что к вам приходила именно Ольга Дмитриевна Проклова?

Измайлов рассмеялся.

– Ну, вы, вероятно, считаете, что у нас тут проходной двор! Кто хочет, тот и приходит, как хочет, так и называется. В нашей организации контроль почище, чем в ваших элитных шарашках. Могу вас заверить, что сегодня, в 11 часов утра, со мной разговаривала именно Ольга Дмитриевна Проклова, дочь вашего убиенного приятеля. Надеюсь, теперь вы уgomонитесь? И не отрывайте больше нас от работы, всего вам доброго.

– Спасибо, – проговорил растерянno Инкс, убирая телефон, из которого уже доносились неприятные короткие гудки.

– Ольга, Олечка, где ты? – прошептал Степан Федорович. – Почему ты меня избегаешь?

И вдруг его телефон, который он только что положил на стол, зазвенел нежным голосом Сольвейг. Эту мелодию Степан Федорович специально установил для звонка Ольги. Инкс дрожащей рукой взял телефон.

– Олечка, здравствуй, – с трепетом и нежностью, которого никак нельзя было ожидать от этого ироничного ума, проговорил Степан Федорович.

– Степан, это я, – донесся голос Ольги. – Я сейчас улаживаю дела отца, как только все закончу, я сообщу, и мы встре-

тимся.

– Но, Олечка, – начал Инкс.

– Ни о чем не волнуйся и не ищи меня, – не дала ему продолжить фразу Ольга, – мне придется уехать очень далеко. Все будет хорошо. Я тебя люблю. До встречи.

– Ольга! – воскликнул Инкс, но связь уже оборвалась.

– Как это не похоже на Ольгу, – пробормотал Степан Федорович. – Что-то здесь не так. Но, слава Богу, Олечка жива. Но почему она мне не доверяет? Мы же с ней, как единое целое. Не понимаю.

Он вновь позвонил Измайлову.

– Опять вы? – вскричал взбешенный следователь. – Примите, в конце концов, аспирин и ложитесь в постель. Или я сам пришлю вам врача.

– Мне только что звонила Ольга, – проговорил Инкс.

– С чем я вас и поздравляю. Ваши семейные проблемы улаживаются.

– Я хочу передать вам запись нашего разговора, – не обращая внимания на выпады Измайлова, продолжил Инкс.

– И что в вашей беседе такого интересного? – сбавил обороты следователь.

– Все, – коротко ответил Степан Федорович. – Я сейчас перешлю ее вам. Умоляю, постарайтесь определить, откуда был сделан звонок, принадлежит ли действительно голос Ольге Прокловой. В общем, не мне вас учить. Извлеките максимум информации из этой записи. Если нужны расхо-

ды, обращайтесь ко мне. Речь идет о моем друге и человеке, который был для меня беспредельно дорог!

Взволнованная пылкая речь немного тронула суровое сердце российского следователя. Его голос чуть подобрел.

– Уважаемый, Степан Федорович, – проговорил назидательно Измайлов. – Здесь милиция, а не частное агентство. Мы будем работать с этим делом в установленном порядке, но никаких особых поблажек вам, при всем нашем уважении, мы не можем оказывать. У нас полно и другой работы, кроме убийства Проклова. С вами будут поддерживать связь, так как вы являетесь одним из главных свидетелей, и, если возникнут вопросы, или у вас появится информация, я, или кто-то из моих людей, встретимся с вами. Благодарю за сотрудничество и внимание. До скорой встречи.

Измайлов повесил трубку. Инкс размышлял, сосредоточенно глядя на лаковую поверхность резного стола.

– Я должен, – тихо проговорил он. – Во имя памяти Димы.

ГЛАВА 8

НА БАЛУ

Инкс неторопливо и тщательно, как он всегда делал, оделся и причесался. Безукоризненный вечерний костюм, лаковые туфли, строгий галстук – на любых, самых светских утонченных мероприятиях, которые Инкс выборочно посещал, Степан Федорович был самым элегантным и представительным мужчиной. Дамы приходили в восторг, мужчины завидовали. Инкс, хоть внешне и оставался холодным, в душе отчаянно смущался и про себя краснел.

Оставив Арнольда Карловича дома, Инкс сам сел за руль автомобиля и поехал в город. Музей изящных искусств встретил своих гостей чопорным величием и несколько надуманной, театральной торжественностью. Современная элита, вступая в это старинное обиталище знати, чувствовала себя неуверенно. Гостей провожали в просторный зал, где уже все было приготовлено для фуршета. В уголке играл оркестр «живой музыки». Директор музея, Максим Брониславович Перовский, лично встречающий гостей, подошел к Инксу.

– Как хорошо, что вы приехали, – сказал он. – Мы уже знаем, что произошло. Это непоправимая утрата для рос-

сийского искусства. Дмитрий Александрович был выдающимся коллекционером, интеллектуалом, щедрым меценатом, большим другом нашего музея.

– Поэтому, ради памяти Димы, я и пришел сюда, – сказал Инкс. – Я хотел бы, чтобы сегодняшняя наша встреча была посвящена Дмитрию Александровичу Проклову.

– Конечно, только так и будет! – воскликнул Перовский. – Дмитрий Александрович был вторым по значимости человеком после вас в нашем клубе. Мы просто не могли замолчать такую трагедию. Вы обратили внимание, какую музыку играет наш оркестр?

– Моцарт, «Реквием», – кивнул Инкс.

– Да, Моцарт. Мы решили не устраивать сегодня никаких танцев. А все разговоры должны вестись только о Дмитрие Александровиче. Пусть каждый скажет и вспомнит о нем что-нибудь хорошее. Тем более что плохого про него просто невозможно сказать. Дмитрий Проклов был светлым, добрым, очень приятным человеком. Даже трудно допустить мысль, что у него были враги.

– И все же враги были, – вздохнул Инкс.

Перовский хотел еще что-то сказать Степану Федоровичу, но в этот момент пришел новый гость, и директор, извинившись, удалился встречать очередного прибывшего.

Нынешний бал, ставший в этот раз траурным поминовением, шел своим чередом. Играла печальная музыка, гости тихо переговаривались между собой. Инкс старался дер-

жаться в стороне, говорить ему не хотелось. Ища уединения, он отступил к самому дальнему углу, который был слабее других освещен. Здесь стояла статуя греческой девушки, а рядом, на тяжелом широком постаменте, лежала мраморная фигура молодого человека. Взгляд неизвестной гречанки, изваянной неизвестным скульптором, был тих и задумчив. Вероятно, эта скульптура когда-то увенчивала чье-то надгробие, и, вполне возможно, изображала саму безвременно усопшую, юность, похищенную в расцвете своей весны. Статуя юноши была известна, она называлась «Авель», и изображала человека, ставшего первой жертвой смерти. Авель – сын Адама и Евы, жестоко убитый своим завистливым братом. Эпохи, культуры и верования отделяли греческую девушку и еврейского юношу, но сейчас они были вместе, словно связь времен и связь чувств. Скорбящая эллинка оплакивала умирающего иудея. Инкс уже не раз бывал в этом зале и видел гречанку и Авеля, но никогда не обращал внимания на то, как расположены эти скульптуры. Печаль, исходящая от этих статуй, словно ножом резанула по сердцу Степана Федоровича, он приблизился к ним. Воспаленный мозг выделял странные трюки с сознанием Инкса. Степану Федоровичу показалась, что статуя эллинки очень похожа на Ольгу Проклову. Инкс поднял голову, всматриваясь в каменные черты, но сомнений быть не могло: тысячелетняя гречанка была точная копия Ольги Дмитриевны Прокловой. У Степана Федоровича от этого открытия закружилась голо-

ва, он пошатнулся.

– Ольга, Олечка! – позвал он, протягивая руку, и невольно, нарушая правила, коснулся музейного экспоната.

Статуя покачнулась, Инкс сразу же пришел в себя, он обернулся, стряхивая наваждение, и посмотрел, не видит ли кто, как он, сам хранитель древностей, совершает непростительное святотатство. Но Степан Федорович был один, гости прогуливались по музею, а все находящиеся в этом зале, были скрыты от Инкса группой других скульптур. Инкс вновь коснулся статуи, желая ее поправить, но теперь он ощутил, что материал изваяния как-то непривычен. «Гипсовая копия», – с облегчением подумал он. Инкс провел по одеянию скульптуры, чтобы выровнять ее положение, и замер от неожиданности: вместо гипса или камня, под его ладонью была покрашенная заскорузлая ткань. Инкс замер. Это было невиданное новшество, даже гипсовые копии не одевали в «настоящую» одежду. Да и само изваяние выглядело слишком естественно. Инкс, забыв про осторожность, дотронулся до скульптуры. Она покачнулась и съехала со своего постамента, повиснув на прибитой руке.

– Что это? – прошептал Степан Федорович, побледнев. – Это безумие!

Забыв про осторожность, он взял статую и ощутил странный холод, исходящий от нее. Инксу казалось все происходящее метаморфозами его расстроенного разума. Он держал в руках Ольгу Проклову, мертвую Олечку, свою возлюб-

ленную, ставшую жертвой чудовищного, не укладывающегося в голове, изощренного преступления. Степан Федорович не мог удержать крик. Перед глазами у него все бешено закрутилось, и он потерял сознание.

ГЛАВА 9

АВЕЛЬ

Очнулся он почти сразу же. Над ним стояли напуганные гости, на лицах которых запечатлелись страх и любопытство. Растерянный Перовский пытался развязать ему галстук, чтобы облегчить дыхание.

– Она мертвая, – прошептал Инкс, указав глазами на лежавшую у постамента статую.

– Вы не пострадали? – спросил перепуганный Перовский, заботливо ощупывая Степана Федоровича. – Ничего не болит?

Инкс, пораженный своим открытием, не сводил взгляда с распластавшейся статуи.

– Она мертвая, – вновь повторил Инкс.

– Не волнуйтесь, Степан Федорович, – попытался успокоить его директор, – «гречанка» не пострадала. Статуя после реставрации, и, наверное, ее плохо закрепили. Как вы себя чувствуете? Я вызову вам врача. Степан Федорович поднялся, и на дрожащих ногах подошел к скульптуре.

– Это не «гречанка» и не статуя, – хриплым голосом проговорил он. – Это Ольга Дмитриевна Проклова. Смотрите.

Перовский, с опаской посматривая на Инкса, подошел

к эллинке и, повинуясь властному взгляду Степана Федоровича, опустился на колени возле изваяния. Директор, сам не зная чего боясь, осторожно коснулся статуи и тут же отдернул руку, ощутив мертвую плоть.

– Это не статуя, – прошептал он. – Вызывайте милицию.

Началась суeta, паника и возгласы. Степан Федорович сел на первый попавшийся предмет, которым оказался постамент с умирающим Авелем. Инкс закрыл лицо руками, не в силах больше находиться в этой безумной реальности. Он ни о чем не думал и ничего не осознавал. Все вокруг жило и бурлило, но для измученного сознания и сердца Инкса сейчас это был лишь хаос отдаленных звуков. К Инксу подходили, задавали вопросы, сочувствовали, любопытничали, но он ничего не слышал и не видел, впад в прострацию. Из этого состояния его вывел стон, зазвучавший рядом с ним. Инкс медленно пробуждался от своего сна, и чем больше возвращалось сознание к Степану Федоровичу, тем громче звучал этот стон. Инкс пришел в себя и оглянулся, его ждало новое потрясение, мраморный Абель, возле которого он сидел, шевелился. Запрокинутая голова каменного юноши дрогнула.

Инкс положил руку на грудь скульптуре, и уловил еле ощутимое биение сердца. Статуя изогнулась, словно от судорог. Степан Федорович подsunул руки под спину юноши, поднимая его с каменного ложа. В этот миг глаза, залепленные белилами, открылись.

– Эрик, Эрик Проклов! – воскликнул пораженный Степан Федорович. – Эй, ко мне, сюда! – закричал он.

Юноша, в бессознательном движении, схватился за Инкса. Молодой организм хотел жить, и сам, без помощи разума, искал спасения. Степан Федорович обнял оживающего мальчика.

– Держись, паренек, – гладил его Инкс по содрогающимся плечам. – Ты будешь жить!

ГЛАВА 10

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Инкс, воспользовавшись суетой, поднял мальчишку на руки и, никем не замеченный, покинул музей. Оказавшись на улице, он сел в автомобиль и устремился по направлению к поселку. Очень скоро он был уже дома. Инкс положил так до конца и не пришедшего в себя юношу на постель и позвал Арнольда Карловича. Штиглиц невозмутимо взирал на распластавшегося бесчувственного мальчика, вымазанного белой краской. Но Инкс видел в спокойных глазах управляющего вопросы.

– Да, мой друг, вы правы, произошло преступление, – сказал Степан Федоровича. – То, что я видел сегодня, чудовищно. Но сейчас некогда вздыхать, надо спасти паренька. Это Эрик Проклов, сын моего погибшего друга.

– Я узнал юношу, – кивнул секретарь.

– Я не отдал его в больницу, – возбужденно продолжил Инкс, – так как, во-первых, он там не будет в безопасности, преступник дьявольски хитер и коварен, во-вторых, я и сам его вылечу лучше любого врача! Мне известны и эти белила, и яд, которым его отравили. Принесите, пожалуйста, баночку с моим раствором, который я применяю при рестав-

рации мрамора, и пузырек с лекарством против отравлений. Вы знаете, что иногда работы по восстановлению древностей связаны с большим риском.

– Я все сделаю, – сдержано и почтительно проговорил Арнольд Карлович, но Инкс, хорошо знавший своего секретаря, видел, что этот суровый исполнительный человек, очень взволнован.

– Все будет хорошо, мы спасем паренька, – подбодрил его Степан Федорович.

Арнольд Карлович ушел и вскоре вернулся с просимыми предметами. Инкс напоил мальчугана одним из своих лично приготовленных снадобий, потом смочил тряпку в таинственном растворе и стал осторожно снимать с Эрика белую краску. Юноша время от времени приходил в себя, но не осознавал происходящего, его взгляд оставался туманным, а движения судорожными и беспокойными. Арнольд Карлович помогал хозяину «отмывать» паренька. Наконец все было закончено, Степан Федорович выглядел очень усталым.

– Я побуду с юношей, – сказал секретарь, – вам надо отдохнуть.

– Благодарю, – проговорил Инкс, понимая, что секретарь, как и всегда, дает дельный совет.

Арнольд Карлович отвел шефа в спальню, потом вернулся к Эрику Проклову, молодой человек впал в полузабытье, в бреду он стонал и звал отца. Штиглиц сочувственно пока-

чал головой.

— Держись, малыш, — тихо проговорил он. — Бывает и хуже.

Арнольд Карлович еще раз напоил юношу лекарством и положил холодный компресс на лоб. Постепенно Эрик за-
тих, его дыхание сделалось ровнее. Секретарь тихонько сел
у окна, чтобы при свете белой майской ночи почитать газету.
Однако этой ночи не суждено было стать спокойной. Не про-
шло и часа, как явился Измайлов. Арнольд Карлович вышел
к следователю.

— Да вы сошли с ума, — возмутился секретарь, — посмот-
рите на часы!

— Некогда смотреть, — энергично сказал следователь, — да-
вайте сюда вашего хозяина.

— Степан Федорович только что лег спать, у него был тяже-
лый день! — шепотом, чтобы никого не разбудить, восклик-
нул секретарь.

— А я еще и не ложился, и у меня будет не менее тяжелая
ночь и утро, а если не повезет, то и весь завтрашний день.
Ваш шеф такого наработал, что и за год не разгрести. Статья
светит вашему разлюбезному Степану Федоровичу.

Арнольд Карлович покраснел от возмущения, он не пе-
реносил, когда оскорбляли его хозяина. В это время на по-
роге гостиной, где происходил разговор Измайлова и секре-
таря, появился Степан Федорович. Черные круги, следствие
морального и физического утомления, обводили его краси-
вые глаза; элегантный халат мягкими складками очерчивал

сильное, изящное тело.

– Я вас слушаю, Анатолий Петрович, – сказал Инкс, показывая на кресло.

Измайлов, поморщившись, сел в ажурный антикварный предмет мебели.

– Я вам еще нужен? – спросил Штиглиц хозяина.

– Нет, мой друг, возвращайтесь к Эрику. Как юноша себя чувствует?

– С ним все в порядке. Температура упала, рвота прекратилась. После перенесенного мальчугану следует хорошо отдохнуть.

– Когда я закончу здесь, я приду вас сменить.

– Можете не торопиться, Эрик не доставляет мне хлопот.

Арнольд Карлович ушел; Инкс повернулся к Измайлову, который с любопытством следил за церемонным разговором хозяина и его секретаря.

– Итак, – отвлек следователя Степан Федорович.

– Да, – встряхнулся Измайлов, – вот об этом мальчике, а речь я так понимаю, у вас шла, о сыне археолога Проклова?

Инкс кивнул.

– Вот о нем я и хочу поговорить. И не только о нем.

– Я вас слушаю.

– Почему вы отказались от медицинской помощи для Эрика Проклова?

– Я не отказывался. Если вы внимательно слушали мою беседу с секретарем, то поняли, что юношу лечат, и он сей-

час на пути к выздоровлению. Я сам занимаюсь его лечением, так как знаю и умею. Чего не могу сказать о наших врачах. Про больницу я вообще не говорю, там Эрик не будет так надежно защищен, как в моем собственном доме, под моим личным надзором и надзором Арнольда Карловича, надежного и честнейшего человека.

– И на каком основании вы решаете за Эрика Дмитриевича Проклова, где ему находиться и чью помощь принимать? Вы должны оповестить органы опеки, ребенок остался сиротой.

– Не сиротой. По завещанию моего друга, Проклова Дмитрия Александровича, в случае его смерти, я становлюсь опекуном мальчика.

Глаза следователя хищно блеснули, словно у ястреба, нацелившегося на добычу.

– И кто подтвердит ваши слова о завещании Проклова? – Измайлов ерзал от нетерпения в кресле.

Инкс подошел к бюро и достал документ, который дал ему археолог.

– Вот завещание моего друга. – сказал Степан Федорович. – Один экземпляр находился у Дмитрия Проклова, второй – у меня, третий – у его адвоката, Фримана Натана Давидовича.

Измайлов прочитал завещание, довольно улыбнулся, потом что-то записал в своем блокноте.

– Мы это проверим. Фриман Натан Давидович. Интерес-

но. Все очень интересно получается, Степан Федорович. Вы не находите?

– Я вас не понимаю. Я вижу трагедию, а не интересные события.

– А как вы объясните такую чудовищную смерть дочери Проклова?

Инкс закрыл лицо руками.

– Это действительно чудовищно, – прошептал он. – Ольга была моей невестой. Я даже представить себе не могу, кому понадобилось убивать, убивать так жестоко, эту прекрасную невинную девушку.

– А ведь вы нас убеждали, что Проклова мертва! – радостно воскликнул Измайлов.

Инкс посмотрел на следователя с недоумением.

– Я не понимаю, что вас веселит? – спросил коллекционер. – Перед вами драма, непостижимая фантаσμαгория, безумие, а вы резвитесь так, словно стали очевидцем какого-то анекдота.

Измайлов взял себя в руки.

– Я всегда радуюсь, когда изобличаю преступника. – с наслаждением проговорил он. – А в данном деле я уже нашел убийцу. Осталось теперь выяснить, он – сумасшедший маньяк или расчетливый уголовник?

– Вы нашли преступника? – вскричал пораженный Инкс. – Но кто он? Чьи руки совершили это злодеяние?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.